

А. Ю. Мордовцев²**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В XXI ВЕКЕ**

Знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира и практических отношений. Но во всем этом мы понимаем и утверждаем только самих себя, формируем, сколько бы мы ни приспосабливались к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, как мы сложились и создавались в течение тысячелетий.

Э. Трельч

В начале исследования полезно вспомнить слова французского историка Шарля Сеньобоса: «Задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно». Действительно, наверное, нет ничего интереснее, сложнее, но также и опаснее, чем изучать особенности собственного национального «мира», сталкиваться со многими вечными вопросами российской государственности, правовой и политической систем. Кажется достаточно очевидным и то, что предлагаемые ответы не всегда будут соответствовать традиционным (как советским, так и постсоветским) «вкусам» отечественной правовой науки, а решение ряда проблем, возможно, разойдется с некоторыми принятыми теоретическими схемами и методологическими установками.

Собственно, именно в таком контексте, как представляется, и стоит размышлять о возможных перспективах развития российской правовой науки вообще и теории права и государства в частности. Вряд ли уместно говорить обо всем современном правоведении, включающем, естественно, отраслевое юридическое познание, но в отношении последнего речь должна идти о поиске новых методологем, отвечающих первоочередным задачам государственного строительства, модернизации (а это все же неизбежно!) отечественной правовой системы и т. п. Вспоминая А. Д. Тойнби, за-

метим, что «по-крупному» теория права и государства в XXI веке в рамках своего предметного поля должна стать прочной основой для формирования своего рода юридического «ответа» на разного рода «вызовы» (глобализационные и др.) в отношении российской государственности, оригинального правокультурного и институционально-правового поля.

Выделим сложившиеся к настоящему времени и имеющие стратегический характер направления развития государственно-правового познания:

1) либерально-правовое (возникшее на волне критики советского права и правоведения, марксистско-ленинской теории и тому подобного в конце 1980-х — начале 1990-х гг.), ориентирующееся на западные догматы «правового государства», «гражданского общества», «прав человека» и тому подобное, причем в их универсалистской, «безнациональной» трактовке;

2) материалистическое (в духе вышеупомянутой марксистско-ленинской теории, правда, подвергнувшейся своего рода «идеологической ревизии», но сохранившей свою методологическую основу — диалектико-материалистическое учение);

3) национально-консервативное (в своих различных модификациях: от возрожденного и все же качественно отличающегося от классического славянофильства евразийства до принадлежащих отдельным исследователям православно-консервативных идей в отношении природы российского права и государства).

Полагаю, что именно последнее и предполагает внесение «национального измерения» (как варианта «человеческого измерения») в осмысление нормативно-типологической и социально-духовной природы отечественного права и, естественно, государства. В этом плане и идет формирование необходимого для понимания национальной правовой и политической идентичности категориального аппарата, включающего, кроме всего прочего, понятие «правовой менталитет».

² Профессор кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики, профессор кафедры международного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, кандидат философских наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правовой менталитет. Проблемы понимания Российского государства и права», «Российский правовой менталитет» (в соавт.), «Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты» (в соавт.), «Особенности политико-правового режима модернизирующейся России» (в соавт.), «Правокультурные основы исследования государственной власти» и др.

Так, в 1940–1960-х годах в англоязычной литературе активно разрабатывалась теория *национального характера*. Социологи, правоведы, политологи, психологи, специалисты других направлений активно исследуют особенности национальной *идентификации* и в этом же контексте — индивидуальной рефлексии, анализируют как массовые (групповые, корпоративные) поведенческие акты и национальные (цивилизационные) бытовые и небытовые стереотипы, так и отдельные поступки (проступки) субъектов, представителей определенного социума¹. Так, в 1954 году социолог А. Инкельс и психолог Д. Левинсон опубликовали обширный обзор специальных (англоязычных) источников по проблеме национального характера. На основе скрупулезного анализа представленных работ они предположили, что ряд проблем, точнее, способов их решения, влияет на функционирование обществ, малых групп в этих обществах и индивидов в этих группах и поэтому может считаться ключевым в определении национального характера²:

1) отношение к власти (в широком смысле — к государству, аппарату чиновников, правоохранительным органам, различным властным предписаниям и т. д.);

2) сложившиеся особенности, устои, традиции взаимоотношений индивида и общества (концепция «я» и «другой»);

3) устоявшиеся способы разрешения конфликтов, включая место, роль и характер *правосудия*, наличие несудебных форм (посредничество и примиренчество, так называемое «восстановительное» правосудие и т. д.), а также принятый в том или ином обществе контроль над агрессией и выражением чувств.

К сожалению, немногочисленные работы (современных) отечественных авторов, посвященные вопросам «загадочной русской души», национальному характеру, чаще всего оказываются куда менее информативными, чем их западные аналоги. Например, автор не так давно вышедшей в свет монографии И. А. Петрова несколько «мистифицирует» или излишне (подобное отношение, в общем-то, свойственно многим нашим исследователям) поэтизирует проблему, правда, при этом весьма уместно приводит разнообразные (вполне соответствующие духу и букве ее собственного изложения) мнения относительно *непостижимости и глубины* русского характера: «Вся история России — это непрерывная борьба противоположностей, обусловленная необъятным пространством и “евразийскими” метаниями русской души».

Стремясь преодолеть разного рода «научные метафоры», порожденные чаще всего соответствующими околонучными «интуициями» различных исследователей прошлого и настоящего в отношении «непо-

стижимости» и тому подобного «русского характера», обратим внимание на дефиницию «правовой менталитет». *Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и тому подобном имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц.*

Именно правовой менталитет определяет совокупность готовности и предрасположенности индивида действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать различные явления, оценивая их в качестве положительных или отрицательных, в государственно-правовой сфере; предполагает соединение когнитивного и ценностного мотивов правомерного или неправомерного поведения субъектов.

В сущностном аспекте (не замыкаясь на психической природе рассматриваемого явления) правовой менталитет следует изучать (как было уже замечено выше) через выделение его архитектурных элементов (политико-правовой парадигмы, стиля юридического мышления, типа социально-правового и пред-правового взаимодействия субъектов), что, несомненно, позволит выйти на осмысление его социокультурной, национальной природы. Вполне очевидно и то, что «*правовая ментальность* как сложное явление отражается во всех элементах структуры правосознания и раскрывается в специфике *правопонимания, право-чувствования, правовидения*»³.

Колоссальное значение для осмысления сущности национального правового менталитета как сложного феномена, взаимодействующего с социальными, психологическими и нравственными категориями, имеют правовые теории, сформировавшиеся в России на рубеже XIX и XX столетий. Широкое понимание правосознания (как это уже отмечено в концепции И. А. Ильина), рассмотрение различных социокультурных, национальных, исторических и субъективных факторов, несомненно, способствуют созданию доктрины отечественной правовой ментальности.

«Наши внутренние психические акты, например гнев, радость, желания, бывают причиной возникновения правовых отношений. <...> Чувства и сознание нашей связанности по отношению к другим мы выражаем словом “право”», — отмечают представители психологической школы, рассматривая право в его субъективном измерении⁴. При этом роль государства в возникновении такого рода правовых отношений, по их мнению, не является определяющей, так как на первый план выдвигается собственное государственно-правовое видение (чувствование), со-

¹ Однако научно-практическая база для подобных исследований формируется значительно раньше, а именно в конце XIX — первой четверти XX века. Например, Э. Дюркгейм в своем творчестве обосновал идею общественной солидарности и зависимости людей друг от друга (См.: Дюркгейм Э. Самоубийство (социологический этюд). М., 1994). Большое влияние также оказала теория архетипов, или теория коллективного бессознательного К. Г. Юнга.

² Inkeles A., Levinson D. National Characters: The Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology. 1969. Vol. 4.

³ Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 290.

⁴ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб., 1990. С. 9, 15.

вокупность юридически значимых «предрасположенностей» социальной группы или индивида действовать определенным образом. Признание такого права со стороны государства не имеет большого значения, ибо оно возникает в глубине человеческого сознания прежде всего как «интуитивное право», построенное на уникальном этноментальном фундаменте.

Данная теоретико-методологическая позиция находит свое обоснование и в творчестве русского юриста Б. Кистяковского, который (наряду с Ю. Гамбаровым, Р. Штамлером, С. Муромцевым и др.) обращает внимание на социальный аспект права. Развивая социологическую теорию права, Б. Кистяковский приходит к выводу, что ученые не приблизятся к пониманию социальной природы права до тех пор, пока будут его рассматривать как совокупность норм или правил, действующих в обществе. Право же значительно более сложное явление, чем простая совокупность норм: «Сущность правовых норм не в их внутренней ценности, что по преимуществу можно утверждать о нормах этических и эстетических. Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и поэтому осуществление есть основной признак права»¹.

Эффективность реализации (осуществления) правовых норм стала одной из центральных проблем отечественной юридической науки в конце 1980-х и особенно в 1990-х годах, когда опасный симптом российской правовой реальности — *пробуксовывание* или полное бездействие закона — не только возник, но и начал все более ощущаться и в юридической практике, и в обществе в целом. Именно в это время становится очевидной необходимость рассмотрения *природы закона* в свете реальных (национальных) процессов: отношения общества к закону, механизма применения закона, правового воздействия, традиционных способов оценки эффективности закона. Следует уделить внимание проблеме создания и действия законов (в широком смысле понимания последних) в *национальном ментальном пространстве* (универсуме), вне которого вряд ли можно осознать подлинную сущность и специфику многих деструктивных факторов действия нормативно-правовых актов.

С позиций же теории правовой ментальности, изучения глубинных этнокультурных и конкретно-исторических особенностей правового духа России, типологической идентификации отечественной правовой культуры, всей правовой системы можно выделить некоторые наиболее осязаемые для современного законореализующего процесса негативные явления:

— конфликт, резкое расхождение между требованиями принятого акта и социальными *ожиданиями* членов общества, основанными на устоявшихся социально-юридических ценностях, установках, правовых чувствах, представлениях и претензиях индивидов²;

— чтобы «овладеть» массовым сознанием, закон должен преодолеть тот «порог» сопротивления, который часто воздвигается на пути его реализации именно отечественной правовой ментальностью, ее особым (есть мнение, что и «кризисным») состоянием, противоречивыми интересами различных социальных слоев и групп, для чего важно обретение как законодателем, так и правоприменителем ясного представления обо всем многообразии ментальных особенностей адресатов нормативно-правовых актов, их юридических и политических стереотипов;

— к числу факторов «правоментального порядка», способных оказывать негативное воздействие на процессы реализации законов (в различных ее формах), относится и весьма специфическое общественное мнение. В российском миропонимании исторически сложилась ситуация (подтверждаемая многими событиями отечественной истории, особенно в переломные ее моменты) явного преобладания *обыденного уровня* правосознания, на котором общественное мнение чаще всего складывается под влиянием слухов, особого понимания процессов, событий, тенденций общественного развития. Данная «традиция» неизменна и в постсоветский период — *обыденный уровень* массового правосознания в современных условиях содержит значительную долю стихийности и иллюзорности³. Поэтому стремительное развитие социально-правовых реалий, тем более либеральная модель реформирования отечественной государственности, неизбежно натолкнулось уже к концу 1990-х годов на устоявшиеся стереотипы и догмы национального правового менталитета.

² Здесь стоит обратить внимание на своего рода «признание» одного из авторов Конституции РФ С. М. Шахрая, когда в статье, посвященной 20-летию Основного закона, он (кажется, без сожаления) отметил, что «...главным инструментом для продвижения идей и принципов Конституции стали Конституционный Суд Российской Федерации и Глава государства. Это были два института, которые сыграли, как сказали бы наши зарубежные коллеги, контрмандоритарную роль. «Контрмандоритарный» институт — это институт, который может законно противостоять воле большинства» (*Шахрай С. М. К 20-летию Конституции Российской Федерации: из истории российского конституционализма и государственного строительства // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 14*).

³ На эмпирическом уровне это подтверждается современными социологическими исследованиями (См.: Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И. Г. Дубова. М., 1997; *Щербакова Н. В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993*).

¹ *Кистяковский Б. А. Право как социальное явление // Вопросы права. 1911. Кн. 8. С. 8–9.*